

РОМАН ДОЛГОВ

ПРОВЕРКА НЕ ТРЕБУЕТСЯ

 Окно сохранности слепка: 9 дней. Осталось: 6

16+

Роман Долгов

Проверка не требуется

«Автор»

2026

Долгов Р.

Проверка не требуется / Р. Долгов — «Автор», 2026

«Смерть — это просто плохой UX. Мы его исправили». 2056 год. Корпорация ОрепAGI продаёт перенос сознания в цифровой мир как медицинскую услугу — неизлечимым, старикам, всем, кто не хочет уходить навсегда. Глеб двадцать лет оформляет такие переносы и делает это лучше всех в регионе. Его жена Вера — врач-репродуктолог. Однажды она замечает то, чего не видит никто вокруг: в стране уже больше года не наступила ни одна беременность. Ни у её пациенток. Ни у кого вообще. Расследование выводит на патент, оформленный за восемь лет до пандемии. А Веру — на диагноз, который «лечится только переносом». Глеб подписывает бумаги за собственную жену — и ложится в кресло сам, чтобы пронести правду туда, откуда не возвращаются. Внутри — витринный город, где у солнца есть частота обновления, а письма оставшейся снаружи дочери приходят из мира, стареющего на годы между её ответами. Что делает разум, когда замечает стены?

© Долгов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Освободившиеся площади	6
Глава 2. Ноль	10
Глава 3. Когорты	12
Глава 4. Благодарное тело	15
Глава 5. Патент 2041	17
Глава 6. Ранжирование	19
Глава	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Роман Долгов

Проверка не требуется

РОМАН ДОЛГОВ

ПРОВЕРКА НЕ ТРЕБУЕТСЯ

роман

16+

© Роман Долгов, 2026. Все права защищены.

Это художественное произведение. Все организации, компании, товарные знаки, продукты, технологии, события и персонажи вымышлены. Любые совпадения с реально существующими компаниями, продуктами или людьми случайны.

Тем, кто отвечает медленно

Глава 1. Освободившиеся площади

За двадцать лет я ни разу не сказал слово «копия».

Есть служебный список запрещённых слов. «Копия» в нём первая. Вторая — «оригинал». Третья — «стирание». Вместо них мы говорим: переезд, вы, сохранность. Список выдают на второй неделе, и первое время новички носят его в кармане, потому что язык живёт отдельно от головы. К концу первого года забываешь, что список был.

Язык — половина моей работы. Вторая половина — паузы.

...

Корпоративный дайджест «Континуум» · 12 мая 2056 · 07:30

Сеть приёма растёт. В Волжском регионе завершено перепрофилирование последнего действующего родильного дома в центр переноса: плюс сорок кресел, парковка, безбарьерная среда. Доступность услуги по стране — 99,2 %.

Напоминаем: до конца мая действует программа «Вместе навсегда» — семейный тариф без первого взноса.

...

Я прочитал это за кофе и отметил две вещи, обе профессиональные.

Первая: хорошее здание. Роддома строили с запасом по электрике и вентиляции, под наши стойки это важно, кто-то в отделе развития своё дело знает.

Вторая: слово «последнего». Оно стояло в середине фразы тихо, как стоят в середине очереди.

Третью вещь я в то утро не отметил. Её вечером отметила Вера.

...

Вызов был на четырнадцать ноль-ноль.

Машина у меня служебная и сама себе водитель; моя работа в дороге — читать. Карточка клиента открылась, едва я сел: Гурьев Пётр Максимович, семьдесят один; диагноз; прогноз — от силы месяц; тариф семьи «Стандарт», кредит одобрен, поручитель — зять. Внизу карточки жёлтым горела строка, которую родне не показывают:

«Окно сохранности слепка: 9 дней. Осталось: 6».

Жёлтые строки — для нас. Чтобы мы помнили, что у вежливости есть срок годности.

Приехал я, как всегда, за два часа и ждал в машине. Рано входить нельзя. Минута в минуту — тоже нельзя: такая точность выдаёт, что ты караулил под окнами. А человек, у которого «сдвинулось окно прибытия», — человек из их мира, задёрганный и опоздавший. Таким открывают проще.

В салоне пахло озоном от очистителя. Я сидел и не думал ни о чём — этому тоже учатся годами, как паузе.

...

Дом Гурьева считался старым фондом: башня двадцать девятого года, лифт с голосом. За двенадцать этажей лифт дважды предложил мне утилизацию праха со скидкой для жителей дома и один раз показал ролик «Континуума» — бережная, семья, закат, и в конце тот самый звук, которым у нас подтверждается всё. Звук из роликов страна знает лучше гимна.

Реклама не знала, что я и есть конкурент утилизации.

Дверь открылась раньше звонка: домофон вёл меня от самой парковки. Дочь — лет сорока, наушник, трикотаж — договорила в пустоту: «Я перезвоню, у нас представитель», — и посмотрела на меня так, как смотрят на курьера, который привёз заказанное в слезах в три часа ночи.

— Вы опоздали.

— Окно прибытия сдвинулось. Приношу извинения от компании.

— Он передумал, — сказала она, не двигаясь с места. — Совсем.

— Хорошо, что сегодня, а не завтра. Завтра было бы дороже.

Это правда, и она работает лучше любых слов о вечности: у вечности есть преискурент, и родня знает его наизусть.

В комнате воздух шёл по сценарию «спокойствие»: восемнадцать градусов и лаванда. Хосписный комплект развернули неделю назад — кровать держала Гурьева под нужным углом сама, монитор рисовал кривые, помпа молчала. Планшет «Континуума» лежал на тумбе экраном вниз, отодвинутый на всю длину руки.

Дальше от себя умирающий отодвинуть его не мог. Ближе — не хотел. По положению планшета я читаю клиента точнее, чем по анкете.

— Пришли, — сказал Гурьев. — Продавец бессмертия.

— Служба переноса.

— Один хрен. — Он смотрел с удовольствием человека, которому давно не с кем было поругаться. — Сколько вы с меня имеете?

— Я на окладе. Комиссию берёт банк.

— Надо же. Честный.

— Хитрый, — сказал я. — Честным тут нельзя.

Он засмеялся, закашлялся, отдышался. Кровать чуть изменила угол.

— Садитесь. Сейчас будете рассказывать, как там хорошо.

— Нет.

— Это почему?

— Вы это всё слышали. Дочь месяц говорит, ролики говорят, лифт по дороге говорил. Начну и я — вы перестанете слушать на второй фразе, и просидим до вечера. А у вас вечер дорогой.

Он помолчал, разглядывая меня.

— И сколько у вас таких, как я? За всё время. Душ?

— Не считал.

Я считал. Три тысячи двести с чем-то. Отвечать нельзя: любое число звучит приговором — большое значит конвейер, маленькое значит новичок.

— Врёте, что не считали, — сказал он. — Ну и правильно.

Он повернул голову к окну. За окном стоял город: башни, эстакада, над проспектом шли дроны — стаями, как когда-то голуби.

— Я вас про одно спрошу, — сказал он. — Не по брошюре. Мне зять объяснял: сервера, мощности. Мощности — это деньги. Кто платит за то, чтобы я там дышал?

Вот вопрос, на который нет ответа в списке. У меня — есть.

— Вы. Там всё считается в ходе — в вычислении. Дыхание дешёвое. Мысль дороже. Тариф «Стандарт» покрывает обычную жизнь обычного человека.

— А необычную?

— Необычную тариф подравняет.

Он посмотрел на меня долго, и я выдержал этот взгляд.

— Первый честный ответ за месяц, — сказал он. — Ладно. Последнее. Только не врать.

Он поискал слово. Я не помогал.

— Тот, который там проснётся... он будет помнить, как я тут лежу и трушу?

Между вопросом и ответом у меня есть полторы секунды. Отработано, как у вратаря бросок: короче — прозвучит заученно, длиннее — прозвучит замешательством. Всё, что дольше двух секунд, родня и клиент читают одинаково: дело нечисто. Пауза — такая же мышца, как любая. Моей двадцать лет.

Я держал три.

— Будет.

— Всё будет помнить?

— Всё, что помните вы. Снимок берётся целиком. Он не выбирает.

— И разговор этот?

— И разговор.

Он кивнул, будто получил ровно то, за чем посылал.

— Ну и пусть ему там будет стыдно, что трусил. Мужiku полезно. — Он пошевелил пальцами на одеяле. — Давайте вашу бумагу.

Планшет так и остался лежать экраном вниз. Я достал лист — плотный, кремовый, с водяным знаком. Юридически подпись давно биометрия; лист «Континуум» держит для другого: бумага успокаивает тех, кто прощается. Ретро-интерфейс доверия. Я подаю его одним движением, двадцать лет.

Подписывался он долго, буквы поехали вниз к правому краю. Это ничего: подпись све- ряют по общему рисунку.

— Ещё вот здесь. Отдельное согласие — на снятие слепков.

— Слепков? Их что, несколько?

— Обычно один. Если процедуру переносят и первый теряет свежесть — снимают вто- рой. Для сохранности. Запасной экземпляр: лежит и не мешает.

— А, — сказал он. — Запасной я понимаю. Я по снабжению тридцать лет. Без запасного у меня и гвоздя не было.

Вторую подпись он поставил ровнее — рука вспомнила.

...

Техники развернулись за восемь минут — я слышал их из прихожей, вполголоса, по делу. С роднѐй они не разговаривают: это моя часть.

Дочь стояла рядом со мной и держала телефон двумя руками, не глядя в него.

— Мне туда можно?

— Сейчас нельзя. Потом можно, но лучше не надо.

— Почему?

— Потому что помнить вы будете не разговор с ним, а эти минуты. Так у всех.

Из комнаты доносилось немного — шаг, короткая фраза, ещё шаг, — и на третьей минуте её повело вперѐд, к двери, как ведѐт их всех, и я взял её за плечи и держал, и мы вместе слушали, как за стеной работают тихие люди, и весь дом, всю башню, осевшую вокруг одной комнаты, где заканчивался один человек и начинался счѐт другого.

Потом за дверью щѐлкнуло.

Короткий сухой звук, как будто в соседней комнате выключили свет. Не громкий, не тихий, всегда на одной ноте. Тот самый, из роликов, — только в роликах после него идѐт музыка, а здесь не шло ничего.

Первые годы я вздрагивал. Потом перестал.

— Это что? — Она обернулась под моими руками.

— Подтверждение. Приняли.

— Уже? Так быстро?

— Быстро.

— А почему звук... — она поискала слово, — как в банке?

— Оно одно на всё, — сказал я. — На платѐж тоже оно.

Дальше идѐт сопровождение: справка, порядок связи, «первую неделю обычно не выхо- дят — обустриваются, не пугайтесь». Я говорил это в три тысячи двести какой-то раз и смот- рел, как она кивает и не слышит, и это тоже было по протоколу — её протоколу, человеческому.

Наряд я закрыл в шестнадцать ноль четыре. Премияльный балл упал в приложение раньше, чем я дошѐл до лифта.

Лифт вёз меня вниз молча. Рекламу праха он мне больше не показывал: система уже знала, что клиент дома закончился.

...

Домой я приехал к восьми.

Вера была на кухне, с рабочим планшетом, прислонённым к сахарнице, и глаза у неё были усталые по-экранному — не от людей, от таблиц. Вытяжка гнала фильтрованный воздух, и в этом ровном гуле наша кухня звучала как салон самолёта, который никуда не летит.

— Ася звонила? — спросил я.

— По воскресеньям же. — Она подвинула мне тарелку, не отрываясь от планшета. — Как день?

— Рекорд.

— Опять рекорд.

Она сказала это без выражения, как отмечают погоду. Я сел и стал есть, и между делом рассказал курьёз из дайджеста: последний роддом в Волжском отдали нам, сорок кресел, хорошая парковка.

Вера подняла глаза от планшета.

— Я видела рассылку, — сказала она.

И замолчала — не так, как молчат над остывшим ужином.

Полторы секунды я держу для клиентов. Её паузу я просто ждал, и она была длинной.

— Я сегодня подняла годовую статистику по своим, — сказала Вера. — По всей сети, все филиалы. Глеб. У меня за год — ни одной карточки беременности.

Она закрыла планшет, как закрывают дверь.

— Ни одной, Глеб.

Глава 2. Ноль

Вера разложила это передо мной, как раскладывают рентген: без предисловий.

— Смотри. Наша сеть, одиннадцать филиалов, всё обезличено. Обращения по бесплодию — рост на двенадцать процентов в год, это ожидаемо, ковид всех напугал. Циклы ЭКО — вот. Переносы эмбрионов — вот. А вот исходы.

Столбец исходов был ровный, как линейка. Ноль.

— За сколько месяцев?

— Четырнадцать. Последняя живая карточка беременности — март пятьдесят пятого. Дальше — ни спонтанных, ни протокольных. Мы полгода грешили на реагенты, сменили поставщика. Потом на воду. Потом перестали говорить об этом вслух, потому что у каждой из нас в филиале то же самое, а вслух это звучит как паника.

Я смотрел на столбец. Двадцать лет я читаю таблицы, по работе: начисления, конверсии, недоборы. Плохие числа выглядят как болезнь — они плывут, падают, дёргаются. Эти не плыли.

— Это не спад, — сказал я. — Спад бывает у живого.

— Вот именно, — сказала Вера. — Это выключили.

Слово повисело над столом. Она сама испугалась его и пошла ставить чайник, а я сидел и смотрел на ноль, который не дёргался.

...

Запрос она подала той же ночью.

Есть Единый репродуктивный контур — федеральный реестр, куда стекается всё: циклы, исходы, регистрации беременности. У главврача филиала есть служебный доступ к сводному срезу. Вера — главврач.

Я стоял у неё за плечом и смотрел, как она собирает выборку: страна, помесечно, десять лет. Обычный служебный экран, синий, скучный. Запрос ушёл в две секунды, и система ответила, что сформирует отчёт в течение часа и пришлёт уведомление.

— Ложись, — сказала Вера. — Час — это у них всегда утро.

Уведомление пришло в семь двадцать.

Единый репродуктивный контур · 13.05.2056 · 07:21

Уважаемый пользователь! В целях повышения качества данных доступ организации к сводным срезам временно приостановлен. Ваша организация включена в плановую проверку качества ведения регистров. О сроках сообщим дополнительно. Благодарим за заботу о достоверности.

Вера прочитала это дважды и положила планшет на стол экраном вниз.

— Нам не отказали, — сказала она. — Нас поставили на проверку качества. Ты понимаешь разницу?

Я понимал. Отказ можно обжаловать. У заботы обжалования нет.

...

В девять ей позвонил директор сети — я слышал его через кухню, голос был утренний, не проснувшийся до конца и уже испуганный.

— Вера Андреевна, доброе. Слушайте, тут из контура письмо странное... кто-то из ваших ночью дёргал сводный срез по стране?

— Я дёргала.

Пауза у него была секунды четыре. Я бы за такую паузу на переговорах уже понял всё.

— А... с какой целью, если не секрет?

— Со служебной. У меня по сети четырнадцать месяцев нулевых исходов, я хотела посмотреть, одна ли я такая.

— Ну зачем же сразу по стране, — сказал директор с облегчением человека, нашедшего колею. — Есть же порядок. Напишите на моё имя служебную, я направлю в департамент, они рассмотрят...

— Сколько рассматривают?

— Ну, месяц. Два.

— У меня ноль четырнадцать месяцев, Павел Ильич. Ещё два ничего не изменят.

— Вот и я говорю — не горит, — сказал директор, не услышав. — И, Вера Андреевна, по проверке: вы уж там... чтобы без сюрпризов. Проверка — это же формальность, если мы сами не сделаем её не формальностью. Вы меня поняли.

Она положила трубку и какое-то время стояла у окна. За окном шли дроны, стайей, на юг, как по расписанию — они и шли по расписанию.

— Он не злой, — сказала Вера. — Он даже не трус. Он просто уже понял то, что я поняла только ночью: спрашивать — дороже, чем не знать.

...

Днём я работал.

Два выезда, оба штатные: подтверждение согласия у лежачей женщины восьмидесяти двух лет — дочь плакала в правильном месте разговора, это хороший знак, слёзы в правильном месте означают, что решение созрело, — и первичная консультация у мужчины моих лет, который записался «просто спросить» и просидел со мной час сорок. Такие покупают через полгода. Я поставил в карточке метку «созревание» и напомнил себе, что раньше эта метка меня не смущала.

Между выездами машина везла меня по набережной, и я поймал себя на том, что считаю коляски.

Набережная была полная: бегуны, собаки, самокаты, пары. За двадцать минут — ни одной коляски. Я сказал себе, что май, будний день, спальные районы, время дневного сна. У меня хорошо получается говорить себе такие вещи, профессиональное.

На светофоре рядом встала машина с рекламой на борту: семейный тариф, «Вместе навсегда», два силуэта, взявшиеся за руки на фоне заката. Силуэты были взрослые. Я вдруг понял, что детей в нашей рекламе нет вообще — ни в одном ролике, ни на одном борту. Двадцать лет продаю и ни разу не заметил.

Реклама не врала. Реклама просто была точной.

...

Вечером Вера сидела на кухне с личным телефоном в руке, и по тому, как она его держала — на отлёте, как чужой, — я понял всё раньше слов. Это моя профессия: видеть по рукам.

— Смотри, что пришло, — сказала она. — На личную почту. На личную, Глеб. Рабочую они мне закрыли утром, а это — вечером.

«Континиум» · Забота о тех, кто заботится

Уважаемая Вера Андреевна! Для работников здравоохранения действует программа бесплатного оздоровительного скрининга: полная диагностика за один визит, результаты — за час. Ваше здоровье — приоритет. Запись открыта; ближайшее окно — завтра.

Внизу стоял фирменный логотип и кнопка «Выбрать время», и кнопка мягко дышала подсветкой, как дышат кнопки, в которые очень хотят, чтобы нажали.

— Совпадение, — сказал я, чтобы услышать, как это прозвучит.

Прозвучало как ложь. У меня хорошее ухо на ложь, двадцать лет тренировки.

Вера смотрела на дышащую кнопку.

— Утром меня отключили от вопросов, — сказала она медленно, — а вечером предложили провериться. Знаешь, что это значит на моём языке? На врачебном?

— Что?

— Что меня уже смотрят. Осталось оформить.

Глава 3. Когорты

Есть вещь, которую я знаю о своей работе и которой не горжусь: представитель «Континуума» видит о человеке больше, чем его врач.

Врач видит болезнь. Я вижу анкету тарификации: диагнозы, прививочный статус, кредитную нагрузку, состав семьи, дату последней ревакцинации — всё, из чего складывается цена переноса и скидка за лояльность. Двадцать лет этот доступ был для меня инструментом продаж.

В четверг он впервые стал инструментом другого.

...

План был простой и не работал.

Прямой выгрузки из клиентской базы у представителя нет: смотри по одному, продавай по одному. Массовые срезы — только у аналитиков центрального офиса, а к аналитикам сейчас идти было нельзя — после утреннего письма «о качестве данных» я стал осторожен на рефлекс, как становишься осторожен на мокрой лестнице.

Но у представителя есть отчёт «эффективность воронки» — служебная форма, где можно собрать до пятисот клиентских карточек с любыми полями, если поля «влияют на конверсию». Дата ревакцинации влияет на конверсию. Возраст влияет. Всё влияет, если правильно назвать колонку.

Я назвал колонки правильно. Пятьсот строк — мало для страны и достаточно для города.

Первое «но» пришло сразу: в отчёт попадают только наши клиенты, а наши клиенты — это те, кто уже пришёл умирать. Смещённая выборка, Вера бы забраковала. Вера и забраковала.

— Мне нужны здоровые, — сказала она. — Кто не собирался ни болеть, ни переноситься. Обычные.

— У меня нет обычных.

— У меня есть, — сказала Вера. — Двадцать пять лет архива. По закону мы храним всё.

Архив её клиники лежал там, где по регламенту ему лежать не положено: на старом ноутбуке без сети, в сейфе, — привычка врача, пережившего два сбоя облака. Сорок тысяч карточек, от две тысячи тридцать первого года. Второе «но»: в её карточках не было дат ревакцинации — прививки идут по другому ведомству.

Мы сидели над этим до полуночи, и решение нашла не она и не я — оно нашлось само, как находится сдача в кармане: даты ревакцинации были у меня. В анкете тарификации. «Континуум» требует прививочный статус при любом обращении — даже при «просто спросить».

Пересечение её архива с моей воронкой дало восемьсот двенадцать человек, о которых мы знали и то и другое.

— Мало, — сказала Вера.

— Для суда — мало. Для «понять» — посмотрим.

...

Считали мы в моей машине.

Это не паранойя, это география: служебный планшет работает только в служебном контуре, а служебный контур — это машина и офис. Офис отпадал. Машина стояла на парковке у реки, отчёт был открыт у меня, архив — у Веры на коленях, и между нами лежал лист бумаги, потому что сводить два экрана в один файл мы не рискнули.

Бумага, кстати, спасала уже второй раз за неделю. Я запомнил.

Вера строила когорты, я проверял её числа — на пометки и на сумму, как проверяю ведомости. К третьему часу у нас была картинка, и картинку эту я запомню, наверное, навсегда, потому что она была очень простая.

Кампания пятьдесят второго шла долго — очереди, медотводы, догоняющие прививки до самого пятьдесят четвёртого, — и у каждого из наших восьмисот двенадцати была своя дата укола, разброс почти в два года. Вера выстроила их не по календарю, а по этой личной дате: нулевая точка у каждого — его собственный укол.

И тогда восьмьсот двенадцать разных судеб сложились в одну картинку.

После укола зачатия у человека ещё случаются — месяц, полгода, у кого-то дольше. Последние ложатся на восьмой, девятый, у некоторых на одиннадцатый месяц после нулевой точки. А дальше — ни одного. Ни у кого. Никогда. Не спад, не редкость — стена, у каждого своя, в свой срок.

— Смотри, как это сделано, — сказала Вера тихо, и «сделано» она выбрала сама, я не подсказывал. — Начатые беременности донашиваются. Роды идут своим чередом ещё год после любой даты укола. Ни волны выкидышей, ни всплеска на графиках, ни одного повода для новостей. Просто новые не начинаются — у каждого в свой месяц, и по стране это размазано на три года. Вирус так не умеет. Вирус приходит по календарю: город заболел — город отболел. А это приходило каждому по его сертификату.

— Отсроченный пуск, — сказал я. — Чтобы никто не связал причину со следствием.

— Отсроченный пуск, — повторила Вера. — У эпидемии не бывает персонального расписания. У рассылки — бывает.

Мы сидели в машине, за стеклом темнела река, счётчик климата в углу лобового мигнул и предложил «вечерний сценарий: расслабление». Я его выключил.

— Этого мало, — сказал я. — Восьмьсот человек, один город, два дилетанта. Нужен кто-то, кто скажет это на своих данных и своим именем.

— Есть такой, — сказала Вера. — Мятлев.

...

Мятлев был из её старой команды — иммунолог, десять лет как ушедший в независимую лабораторию, из тех людей, что на конференциях сидят в последнем ряду и задают один вопрос, после которого докладчику нехорошо.

Вера позвонила ему с моего служебного — не потому, что мы уже думали о прослушке, а потому, что её личный после вчерашнего письма казался липким. Слово её, не моё. Точное.

Разговор занял четыре минуты. Она говорила числами, он молчал правильно — я слышал это молчание через динамик: так молчит человек, который на другом конце уже открыл свои таблицы.

— Пришлите разбивку, — сказал наконец Мятлев. — Без имён, только даты-исходы.

— Каналом каким?

— Никаким. Привозите. Бумагой.

Он тоже дошёл до бумаги. Это почему-то успокаивало и не успокаивало одновременно.

Вечером мы отвезли ему распечатку — обычный дом, обычный лифт, который всю дорогу продавал нам витамины, обычная прихожая, где пахло собакой и растворимым кофе. Мятлев просмотрел листы стоя, у двери, не предложив пройти, и по тому, как он их держал — за края, как держат снимки, — я понял, что человек уже всё увидел и теперь только сверяет.

— У меня по двум городам то же самое, — сказал он. — Я сидел на этом три месяца и боялся собственной таблицы. Знаете, чего мне не хватало? Второй пары глаз, которая не из моей головы.

Он аккуратно выровнял листы.

— Дайте сутки. Я пересоберу на своих данных, начисто, с контролями. И тогда я скажу это вслух. Публично, под своим именем, с методикой.

— Вы понимаете, что будет? — спросила Вера.

— Понимаю, — сказал Мятлев. — Будет очень тихо. Но сказать всё равно надо.

Мы вышли, и лифт вниз ехал молча — даже витамины нам больше не полагались.

Суток у Мятлева не оказалось.

Глава 4. Благодарное тело

Утром Мятлев не вышел на связь.

К полудню Вера набрала его лабораторию; там сказали, что Аркадий Семёнович на больничном. К трём его номер отвечал вежливым автоответом «абонент временно недоступен, оставьте сообщение после сигнала», и сигнал был фирменный — короткий, сухой, наш.

Я узнал его раньше, чем понял, что узнал.

Автоответчики «Континуума» ставятся клиенту автоматически — в день переноса.

...

Служебный доступ открыл мне карточку за восемь секунд, и восемь секунд — это было дольше, чем длилась вся остальная процедура у Мятлева.

Гурьев... нет. Мятлев Аркадий Семёнович, 58.

Статус: перенос завершён. 14.05.2056, 04:12.

Основание: экстренные медицинские показания.

Согласие: получено дистанционно, биометрия, 03:41.

Тариф: приоритетный, за счёт работодателя.

Я перечитал это трижды, как перечитывают платёжку с чужой суммой.

Ночной перенос. За тридцать одну минуту от согласия до кресла. Я двадцать лет в этой системе: экстренный регламент существует, я оформлял его четырежды — при катастрофах, когда счёт на часы и родня орёт в трубку. Он существует. Просто он не случается с человеком, который вечером стоял в прихожей со своей собакой и просил сутки.

И ещё одно. Согласие в 03:41 — биометрическое, дистанционное, из дома. В 03:41 человек не подписывает документы. В 03:41 человек спит, и его телефон лежит на тумбочке, рядом с его лицом и его пальцами.

Я закрыл карточку и некоторое время смотрел на реку за стеклом. Река работала как всегда.

...

К жене Мятлева я поехал сам — не по наряду. По наряду туда уже съездили: в карточке стояла отметка «сопровождение семьи проведено, удовлетворённость подтверждена».

Дверь открыла женщина с прямой спиной и глазами, которые плакали ночью и решили больше не плакать. В прихожей сидела собака и смотрела на меня с надеждой, от которой хотелось выйти и зайти заново кем-нибудь другим.

— Вы из лаборатории?

— Я знакомый. Мы виделись позавчера, я привозил Аркадию Семёновичу бумаги.

— А, — сказала она. — Проходите. Только я, наверное, бестолково буду рассказывать, я сама ещё не поняла, как всё быстро...

Рассказывала она не бестолково. Она рассказывала страшно ровно, как рассказывают выученное за ночь.

Ночью Аркадию стало плохо — так ей сказали утром, сама она спала. Браслет здоровья дал тревогу, телемедицина сняла показатели, диагноз пришёл за двадцать минут: сосудистая катастрофа, счёт на часы, операция бессмысленна. Работодатель активировал корпоративную программу. Согласие Аркадий дал сам — «он же в сознании был, ему в ухо всё объяснили, он пальцем подтвердил, мне потом показали запись подтверждения».

— А вы запись видели?

— Палец видела, — сказала она. — Экран и палец. Его палец, я его палец из тысячи узнаю.

Она вдруг посмотрела на меня в упор:

— Вы думаете, я дура. Я не дура. Я тоже сначала... А потом он позвонил. Утром, в девять. Оттуда. Сказал: Тань, всё нормально, тут спокойно, ты только не поднимай волну, слышишь, ни в коем случае не поднимай, у нас всё будет хорошо, я тебе в четверг позвоню. Голос его. Интонации его. Он даже собаку по имени назвал.

Она помолчала.

— Он никогда не говорил «не поднимай волну». Он говорил «не гони волну». Тридцать лет. Но это же... это же мелочь, да? Человек столько пережил за ночь.

Я держал паузу — не профессиональную. Настоящую. Профессиональной у меня на это не нашлось.

— Мелочь, — сказал я.

На тумбе в прихожей лежал приветственный набор «Континуума» для семей: конверт, буклет и открытка. Я знаю этот набор наизусть, я вручал его сотни раз. Уходя, я всё-таки прочитал открытку — глазами человека, который видит её впервые.

Спасибо, что доверили нам самое ценное. Ваш близкий уже дома. Первые дни он будет занят обустройством — не волнуйтесь, если звонки будут короткими. Для членов семьи действует программа «Рядом»: промокод FAMILY даёт скидку на воссоединение.

Убийство, при котором тело продолжает писать родным и просит не поднимать волну. Я поставил открытку на место, ровно, как стояла.

Собака проводила меня до двери и осталась ждать дальше.

...

Вера в этот день не выходила из дома — формально болела, фактически сидела в патентных базах, потому что Мятлев успел.

В половине третьего ночи, за час до своего «согласия», он отправил ей одно сообщение с личного номера. Без слов. Только код: CTR-9.

— Это белок, — сказала Вера. — Вернее, блокатор. Я весь день по нему копаю. В открытой литературе — три статьи, все тухлые, тупиковая ветка, мембранный транспорт. А потом я полезла в патенты.

Она развернула ко мне экран.

— Патент на терапевтическое применение CTR-9 и производных. Смотри на владельца: «Фонд перспективной биологии». Смотри на класс применения: «модуляция фертильности». Модуляция, Глеб. Красивое слово, правда? А теперь смотри на дату приоритета.

Я посмотрел.

Заявка была подана двенадцатого февраля две тысячи сорок первого года.

— Глеб, — сказала Вера очень спокойно, и это спокойствие было хуже любого крика. — Патенту пятнадцать лет. Он старше пандемии на восемь.

Глава 5. Патент 2041

Цепочку мы раскапывали три вечера, и она оказалась короче, чем я боялся.

«Фонд перспективной биологии» был пустышкой: ни сайта, ни публикаций, один юридический адрес и один учредитель — траст с номером вместо имени, зарегистрированный там, где регистрируют то, что не хотят показывать. Обычно на трасте такие цепочки и обрываются.

Наша не оборвалась, и вот почему: трасты не публикуют владельцев, но публикуют отчётность, а в отчётности есть строка «источник финансирования». Я двадцать лет читаю чужие финансовые документы — кредитные одобрения, страховые лимиты, справки о доходах, — я знаю, где в бумаге лежит правда: не в шапке, в сносках.

В сноске стояло: «финансирование в рамках программы долгосрочных исследований OpenAGI Ventures».

— Может, они просто дали денег, — сказала Вера. — Фонды всем дают.

— Может, — сказал я и открыл реестр аффилированности, который обязаны вести публичные компании. OpenAGI — публичная. Ей есть чем гордиться, она раскрывает всё.

«Фонд перспективной биологии» значился в приложении 14-Б, строка 211: дочерняя структура, доля контроля — сто процентов.

Мы сидели и смотрели на строку 211. За стеной у соседей работал домашний ассистент — читал ребёнку сказку, голос был тёплый, поставленный, знакомый на всю страну. Ассистент был их. Сказка, наверное, тоже.

— Скажи это вслух, — попросила Вера. — Я хочу услышать, как это звучит не у меня в голове.

— В сорок первом году структура OpenAGI запатентовала блокатор рождаемости, — сказал я. — В сорок четвёртом OpenAGI запустила перенос. В сорок девятом началась пандемия. В пятьдесят втором с ревакцинацией блокатор получили все. Сначала запатентовали ключ. Потом продали дверь. Потом заперли.

Звучало это как бред сумасшедшего. В этом и была защита лучше любого траста: такое нельзя рассказать — можно только доказать, а доказательства у нас были на восемьсот двенадцать человек и один мёртвый иммунолог, который звонил жене и просил не поднимать волну.

...

Из архива: пресс-релиз «Континуум» · 12.03.2044

Сегодня мы отменили безвозвратность.

Страховка сознания доступна каждой семье: один визит, одна подпись — и никто больше не уходит навсегда. Ваши близкие останутся с вами: голос, память, характер — всё, что делает человека человеком, теперь в безопасности.

Смерть — это просто плохой UX. Мы его исправили.

...

Этот релиз я помнил наизусть — он висел у нас в учебном центре, в рамке, двенадцать лет. Я цитировал его семьям. Я верил ему, как верят инструкции: не сердцем — практикой. Практика подтверждала: семьи получали звонки, звонки были тёплые, удовлетворённость — девяносто шесть процентов.

Теперь я перечитывал его в четвёртый раз за вечер и видел только одно слово.

«Отменили».

Отменяют — рейс. Подписку. Встречу. Мы двенадцать лет говорили о смерти глаголом из службы поддержки, и никто не споткнулся, включая меня. Язык — половина моей работы. Я просто не спрашивал, на кого работает вторая половина языка.

...

Дальше начались мелочи. Мелочи — моя профессия, поэтому я их видел, и лучше бы не видел.

Мой служебный планшет обновил «рекомендованную зону выездов» — так бывает, логистика оптимизирует маршруты. Новая зона аккуратно огибала район, где жила вдова Мятлева. Оптимально огибала: по времени в пути даже выигрывал.

Верин рабочий доступ «в связи с проверкой» перевели в режим «только приём» — она могла лечить, не могла спрашивать. Формулировка была заботливая: «чтобы снизить нагрузку на период аудита данных».

А в пятницу вечером её директор прислал ей голосовое, длинное, путаное, из которого следовало, что проверку продлили, что «наверху нервничают», что «Вера Андреевна, я вас очень прошу» — и в этом голосовом было столько настоящего страха, что мы прослушали его дважды: страх был не за неё.

— Он боится не того, что нас накажут, — сказала Вера. — Он боится оказаться рядом. Как от заразного.

— Так работает, — сказал я. — Никто не запрещает. Все просто отходят на шаг. Сам отойдёшь — сам целее.

— Откуда ты это знаешь?

— Я так продаю, — сказал я. — Двадцать лет. Никого нельзя заставить подписать. Можно сделать так, чтобы не подписать стало неудобно.

Вера посмотрела на меня долго, и в этом взгляде не было упрёка. Хуже: в нём было узнавание.

...

Уведомление пришло в субботу, в 08:02, вежливое, с колокольчиком.

«Континуум» · Служба качества

Уважаемый Глеб Сергеевич! Вам назначен плановый аудит представителя. Явка: понедельник, 09:00, центральный офис, каб. 412. При себе иметь служебный планшет. Аудит носит регулярный характер и не связан с оценкой ваших результатов.

Ваши результаты — предмет нашей гордости.

Я прочитал и отметил профессионально, по привычке, три вещи.

Первая: «плановый» аудит не назначают пушем в субботу.

Вторая: «не связан с оценкой ваших результатов» — фраза из списка успокаивающих, я сам такими пользуюсь; её ставят ровно тогда, когда связан.

Третья: за двадцать лет меня не аудировали ни разу.

— Что это значит? — спросила Вера, прочитав через моё плечо.

— Это значит, что нас увидели, — сказал я. — Теперь смотрим, что они видят.

Глава 6. Ранжирование

Аудитор оказался человеком.

Я почему-то ждал процедуры — экрана, чек-листа, синтетического голоса. Вместо этого в четырёхэтажном здании сидел мужчина моих лет, с помятым лицом командированного и стаканом кофе из автомата, и первое, что он сделал, — выключил стенограмму.

— Так быстрее, — сказал он. — Пишется всё равно всё, но когда лампочка не горит, люди меньше говорят лишнего. Парадокс. Садитесь.

Я сел и понял, что сел неправильно — прямо, как посетитель. Он этого ждал. Он читал мою посадку так же, как я читаю чужую. Впервые за двадцать лет я был по эту сторону стола у человека моей же профессии, только его товаром был я.

Час мы говорили о продажах. Вопросы были настоящие, умные, по цифрам — конверсия созревания, длина цикла у сомневающихся, — и я отвечал настоящее, потому что врать в своём ремесле труднее всего: тут я слишком хорошо знаю, как звучит правда.

А на исходе часа он сказал, не меняя тона:

— Отчёты по воронке любопытные у вас. Пятьсот строк, поля нестандартные. Даты ревакцинации, надо же. Это у вас зачем?

Полторы секунды у меня есть всегда. Здесь я взял ровно одну — потому что две прозвучали бы как подготовка, а подготовка у аудитора в голове равна вине.

— Сегментирую сомневающихся. После пятьдесят второго люди делятся на тех, кто верит медицине, и тех, кто больше нет. Вторым нельзя продавать через врача — только через семью. Дата ревакцинации — лучший маркер доверия, какой у нас есть.

Это была правда. В этом весь фокус хорошей легенды: она обязана быть правдой — просто не всей.

Аудитор смотрел на меня секунды три. Я знал эту паузу изнутри: он предлагал мне её заполнить. Заполняют виноватые.

Я не заполнил.

— Красиво, — сказал он наконец, и было непонятно, о чём он. — Возьму в методичку. Замечаний нет, Глеб Сергеевич. Работайте.

Мы пожали руки. Ладонь у него была сухая, как у меня. Уже в дверях он добавил, не поднимая глаз от планшета:

— Жене вашей привет. Пусть не тянет со скринингом — программа для медиков хорошая, я сам проходил.

Лифт вёз меня вниз двенадцать этажей, и все двенадцать я дышал по счёту.

Замечаний нет. Есть привет.

...

С журналисткой нас свёл старый клиент — вернее, вдовец старого клиента, из тех, кто после переноса жены ходил ко мне ещё год «уточнять по бумагам», а на деле — говорить. Такие люди помнят добро. Он дал номер и сказал: Северова, она упрямая, ей уже нечего терять, у неё рейтинг доверия ниже плинтуса.

— Это плохо?

— Это значит, её не жалко, — сказал вдовец. — Незаблокированных смелых больше не осталось. Остались нерейтинговые.

Встретились мы на набережной, у воды, без техники — я уже выучил новый этикет. Лица Северова оказалась маленькой, быстрой и злой правильной злостью — рабочей, без надрыва. Материалы она взяла бумагой, читала тут же, на лавке, шевеля губами на цифрах, и один раз сказала «ох ты ж», и это «ох ты ж» стоило всех наших трёх недель.

— Публикую в среду, — сказала она. — Без выводов, только фактура: ноль по регистрам, когорты, патент, дата приоритета. Выводы пусть делают сами — так дольше живёт.

— Что будет? — спросила Вера.

— Ничего не будет, — сказала Северова спокойно. — В этом и новость. Раньше за такое приходили. Теперь просто ничего не происходит. Но я всё равно публикую, потому что должна лежать запись. Записи важны. Записи потом находят.

В среду она опубликовала.

Мы сидели втроём в её студии — комната, свет, два древних монитора — и смотрели на счётчик. Публикация вышла в 09:00. К 09:40 счётчик показывал двести четырнадцать просмотров. К полудню — двести семнадцать. К вечеру — двести семнадцать.

Северова проверяла по кругу: материал открывался по прямой ссылке, безупречно, мгновенно. Поиск по точной цитате из заголовка находил рецепт запеканки, обзор наушников и прошлогоднюю дискуссию о том, этично ли заводить собак в песочнице. Подписчикам уведомление «пришло» — стояло в логах отправки — но из тысячи четырёхсот человек его увидели, судя по кликам, одиннадцать.

— Вот, — сказала Северова почти с удовлетворением исследователя. — Смотрите и запоминайте, как это выглядит. Меня не удалили. Меня не забанили. Мне даже плашку не повесили. Меня перестали показывать. Это как кричать в комнате, где всем в наушниках убавили мою частоту. Я есть. Меня нет.

Внизу материала висела единственная служебная строка, серым по серому:

Материал может содержать неподтверждённую информацию. Мы заботимся о вашем информационном благополучии.

— Кто это повесил? — спросил я.

— Никто, — сказала Северова. — В том и дело. Спросить не у кого. Это не человек решил. Это ранжирование.

Идея была простая, и от простоты — ледяная: цензору можно посмотреть в лицо. У ранжирования лица нет. Оно не запрещает сказать. Оно устраивает так, что сказанное не существует.

На прощание Северова сунула Вере бумажку с номером:

— Резервный, кнопочный, для связи. И это. У меня сегодня утром была налоговая по аренде студии. Плановая, — она усмехнулась. — У вас, я так понимаю, тоже всё теперь плановое. Держитесь, плановые.

...

Звонок пришёл в четверг, в 18:20, когда Вера резала овощи, а я накрывал.

Она посмотрела на экран, и я увидел, как у неё изменилась спина — раньше, чем она ответила. Звонила её же сеть, филиал на Восточной, отделение онкологии. Она включила звук, потому что мы так теперь жили — всё вслух.

— Вера Андреевна, добрый вечер, это Каримова, я по вашей диспансеризации. Вы ведь в том месяце сдавали плановую панель?

— Сдавала.

— Пришли уточнённые маркеры. Вера Андреевна, вы только не пугайтесь заранее, но нам нужно очно и желательно завтра. Первым слотом. Вы сможете к девяти?

Вера стояла с ножом в руке над доской, и на доске лежал недорезанный перец, очень красный на белом.

— Смогу, — сказала она.

— Вот и хорошо, — обрадовалась трубка. — И, Вера Андреевна... возьмите с собой кого-нибудь. Так, на всякий случай. Порядок такой.

Вера положила телефон на стол экраном вниз и очень аккуратно, очень ровно доложила перец в салат.

— Ну вот, — сказала она. — А ты говорил — совпадение.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.